

Два дня рождения, три ПВР, экспертиза у гинеколога, детдом и Совбез ООН. Непростой путь украинской девочки домой к маме

*** [bbc.com/russian/articles/c4n0z78y9lpo](https://www.bbc.com/russian/articles/c4n0z78y9lpo)

О статье

- Автор, Святослав Хоменко, Нина Назарова
- Должность, Би-би-си
- 7 ноября 2023

Вечером 6 марта 2023 года 13-летняя Вероника Власова сидела в одном из пунктов временного размещения в Липецкой области и ждала свою бабушку — та должна была наконец-то забрать внучку домой в Украину. До начала полномасштабной войны Вероника жила в Харьковской области и в России оказалась совершенно неожиданно для себя. К этому моменту она не видела свою маму уже год.

Однако вместо бабушки в 23:30 в комнату вошли трое полицейских. Они объявили девочке, что она стала потерпевшей по делу об изнасиловании, и стали принуждать ее дать показания об этом. «Они мне говорят: „Скажи, что у вас всё было, и мы тогда тебя не будем мучить“», — вспоминает Вероника. В беседе с корреспондентом Би-би-си она говорит, что запомнила 6 марта как «черный день календаря».

В итоге в вынужденной разлуке с мамой девочка провела в России 14 месяцев и встретила сначала свой 13-й, а потом и 14-й день рождения. Когда ей удалось наконец-то вернуться домой, уполномоченная по правам ребенка при президенте России Мария Львова-Белова опубликовала в своих соцсетях фотографии сияющих девочки с бабушкой и написала: «Спешу поделиться с вами радостной новостью — 14-летняя Вероника Власова вернулась в Украину! Еще одна семья воссоединилась». За кадром остались пережитые Вероникой травля в школе, допросы по уголовному делу и принудительная гинекологическая экспертиза.

«Куда нас отправляли, туда мы и ехали»

Этой весной Мария Львова-Белова [рассказала](#), что всего с февраля 2022 года в Россию въехали 730 тысяч детей из Украины. Большинство из них оказались в другой стране со своими родителями, но российские власти также вывозили и целые группы детей. Би-би-си [подробно](#) освещала [вывоз](#) детей-сирот с оккупированных территорий Украины и ситуации, когда украинские дети [поехали](#) в лагерь отдыха и [не смогли](#) вернуться к родителям из-за изменившейся линии фронта.

Однако бывает и так, что дети оказываются разлучены с родителями поодиночке и попадают в Россию из-за обстоятельств войны. Отслеживать такие случаи гораздо сложнее, чем массовые перемещения, но эти частные истории еще ярче показывают, с чем могут сталкиваться в России дети-беженцы из Украины и как сложно им вернуться домой.

Именно такая история случилась с Вероникой Власовой из Пыльной, села в Харьковской области. 23 февраля 2022 года ее мать, Нина Власова, уехала по работе в Харьков. Там у женщины был небольшой бизнес — несколько киосков с шаурмой.

Веронике в тот момент было 12 лет, и она считалась достаточно самостоятельной, чтобы остаться одной, но девочка решила поехать в гости к тете, сельской медсестре Татьяне Мельник*, и ее детям, своим двоюродным братьям и сестрам, в село Борисовку, что в трех километрах от Пыльной. 24-го к обеду мама Вероники должна была вернуться домой.

Оба села стоят на российско-украинской границе, от них до России — даже не километры, а сотни метров. В 4.21 утра — Вероника говорит, что запомнила время до минуты — все проснулись от обстрелов. Из насосной ямы, куда спряталась девочка вместе со всей семьей Мельников, она позвонила матери. Уже в первую же ночь войны в селе появились жертвы — и среди пограничников с ближайшей заставы, и среди мирных жителей.

Следующую неделю взрослые с детьми спали в соседских подвалах. Приехать и забрать дочь Нина Власова уже не смогла: из Харькова в сторону фронта машины из соображений безопасности не пропускали украинские военные.

2 марта семья тети, Татьяны Мельник, решила собрать вещи и на собственном автомобиле с прицепом выехать в сторону России. По сути, объясняет девочка, это была единственная безопасная дорога. Сама Мельник рассказала Би-би-си, что причиной стали не только постоянные обстрелы, но и ее здоровье — у женщины в тот момент было воспаление легких, и требовались антибиотики. «Лекарства, которые у меня были, я проколола, а когда стали заканчиваться, мы <в условиях войны> найти их не смогли, и по моей болячке пришлось выехать», — говорит Мельник. Веронику забрали с собой.

Связь с матерью была нестабильной: девочка рассказывает, что вскоре рядом с селом заработали какие-то «глушилки»: Вероника могла понять, что ей по телефону говорит мама, но Нина слов дочери не слышала.

«Мама узнала, что я выехала <в Россию> только тогда, когда мы были на таможне, — продолжает Вероника. — Она очень испугалась».

Семья Мельник переночевала в спортзале в Белгороде, неделю провела в Старом Осколе и 12 марта, уже на организованных российскими властями автобусах, приехала в пункт временного размещения (ПВР) «Мечта» в Липецкой области. Всего там в тот день разместили 200 человек. «Куда нас отправляли, туда мы и ехали», — вспоминает Вероника. Там же, в ПВР, через несколько дней девочка отметила свой день рождения. Ей исполнилось 13 лет.

«Она в России военный преступник»

В России на Татьяну Мельник сразу же оформили временную опеку над Вероникой — по закону у несовершеннолетнего обязан быть законный представитель. С мамой девочка созванивалась регулярно, но коротко, в основном — сказать друг другу, что живы.

По словам Нины Власовой, она старалась морально поддержать дочь, говорила, что так или иначе ее заберет и что «будет все хорошо и бояться не нужно и никому грубить, хамить тоже не нужно». «Дочка у меня очень патриотических взглядов ребенок, и, несмотря на свой возраст, она прекрасно понимала, что к ней с оружием пришли в дом, угрожают и кричат: мы тебя освобождаем», — объясняет она Би-би-си.

Воссоединение детей из Украины, оказавшихся в России, с родителями и сейчас, спустя полтора года войны, остается крайне непростой задачей — Би-би-си подробно рассказывала об этом. Чаще всего российские власти настаивают, чтобы матери лично приезжали в Россию за детьми (мужчин призывного возраста из Украины во время войны не выпускают, поэтому, как правило, ездят женщины). Пересечь украинско-российскую границу напрямую сейчас невозможно, добираться приходилось через третьи страны. С деньгами и организацией процесса многим женщинам помогали украинские благотворительные фонды.

«Я сразу начала разговаривать с сестрой о том, как бы мне забрать своего ребенка назад», — вспоминает Власова. Изначально она предлагала своей сестре выехать из России всей семьей вместе с Вероникой — в том числе, по ее словам, предлагала оплатить дорогу и первый месяц жизни на новом месте для всех родственников. Однако Татьяна Мельник отказалась. «Сказала, нет у меня такой возможности, и передать ты мне денег никак не сможешь. Любая была причина — но она не хотела».

Затем Власова предложила Мельник привезти Веронику на границу с Латвией или Эстонией и передать девочку в нейтральной зоне третьей родственнице, которая смогла бы забрать ее в Украину. Сестры договорились о дате в июне 2022 года, однако ближе к делу «сестра резко позвонила и сказала, что она не может привезти ребенка в буферную зону, так как её потом не пустят к своим и вообще заберут у нее детей», — рассказывает Нина Власова.

Обе женщины понимали, что лично приехать за дочерью Нина Власова не может — до того как начать в Харькове бизнес, мать Вероники была военнослужащей Вооруженных сил Украины.

«Она в России военный преступник», — объясняет Татьяна Мельник Би-би-си. По словам Мельник, данные о военном прошлом ее сестры быстро стали известны российским спецслужбам — женщина предполагает, что информацию им передали новые власти села, назначенные после оккупации. В домах обеих семей российские военные устроили обыски, и сразу после въезда в Россию и Мельник, и ее мужа подробно допрашивали об их отношениях с ее сестрой.

Как утверждает Мельник, именно российские спецслужбы запретили ей вывозить или передавать Веронику матери — в расчете на то, что та будет вынуждена приехать за девочкой в Россию самостоятельно.

«Мне <российские спецслужбы> сказали, чтобы я сидела как мышь, — рассказывает Татьяна Би-би-си. — С сестрой я практически не общалась, можно было бы рассказать ей, что это спецслужбы, но я не могла сказать, что меня трясут (запугивают — *Би-би-си*) — я боялась всего». Мельник говорит, что она не пыталась объясниться, даже когда отношения у сестер из-за ее отказа помочь с возвращением девочки резко испортились: «Ничего не доказывала, ничего не говорила. У нее мнение было такое, что я якобы получаю деньги за временное опекунство, я не разубеждала, ничего не говорила по этому поводу».

«У нас в семье нет теплых родственных отношений», — безэмоционально, как о факте, говорит Татьяна Мельник Би-би-си.

Нина Власова, в свою очередь, считает, что ее сестра намеренно не хотела помогать с возвращением дочери: «Сестра мне начала говорить, что ВСУ напали сами на себя — уже начала нести всякий бред. Но в конфликтные ситуации я с ней вступать не хотела, так как у неё находится мой ребенок».

— Я у неё спрашивала прямо: как мне забрать своего ребенка? Она говорит: вот приезжай сама, забирай, — рассказывает Власова Би-би-си.

— Но у вас были определенные причины не ехать в Россию?

— Да. И она это знала.

Саму Татьяну Мельник жизнь в Липецкой области, как она сказала Би-би-си, вполне устраивала: язык был знакомым, ее собственные дети успели найти новых друзей, муж — подработку.

С другой стороны, вспоминает Вероника, тетя все чаще обвиняла девочку и ее маму-«ВСУшницу» в том, что из-за них она не может найти нормальную работу. С работой у Мельник действительно не клеилось: устроиться по своей специальности медсестры она не могла, так как для этого нужно было подтвердить полученное в Украине образование.

«Ей предлагали работу администратора в гостинице. Но там нужно было английский знать, а она не знала», — добавляет Вероника.

Так или иначе, весну и лето 2022 года Вероника провела в «Мечте». Сама она это время вспоминает как хорошее: ПВР находился в детском санатории, на территории был спортзал, где играли в волейбол, рядом речка. Еда в столовой была не особо вкусной, мясо постоянно пахло, как будто было испорченным, но, философски замечает Вероника, другой еды не было. Зато учеба была необременительной: для детей-беженцев сделали в школе вторую смену, «кто хотел — там просто сидел, кто хотел — учился. Всем было все равно, учимся мы или нет — потому что мы беженцы, мы из Украины».

«Меня тогда тетя в каком-то смысле запугала. Она говорила, что в Украине все плохо, что я постоянно буду жить в подвалах. И я тогда испугалась, я даже не знала, хочу я уезжать или нет. Тогда к нам еще так не относились, как уже потом», — вспоминает сейчас девочка первые месяцы жизни с тетей.

Еще Вероника увидела по российскому телевидению сюжет о том, что в Харькове собак едят, а за то, что говоришь по-русски, расстреливают. Она вспоминает, как посмотрела «о собаках», испугалась за бабушку в Харькове и сразу ей позвонила.

«А что я? — вспоминает сейчас бабушка. — У нас гуманитарка кругом. Собак мы не ели и сами себя не обстреливали».

С мамой созванивались, но очень редко. «Говорили друг другу, что с нами все хорошо. Это главное, что можно было сказать. Мне нужно было просто слышать ее голос», — вспоминает Вероника.

«Вали в Украину, что ты здесь забыла»

---

15 сентября 2022 года Татьяна Мельник с семьей и Вероникой переехали в другой ПВР — «Полет», почти на границе Липецка, у аэропорта. Бытовые условия там были хорошими, семья разместилась в двух комнатах. В столовой вкусно кормили, устраивали чаепития, на которых иногда подавали даже фрукты и торты, вспоминает сейчас Вероника. Для беженцев привозили вещи и выдавали сертификаты в магазины, по которым можно было получить одежду, обувь и косметику.

Однако в новом ПВР не было ни речки, ни спортзала, ни друзей. Выходить одной за территорию и тем более ездить в город девочке не разрешала тетя. Даже в школу Вероника добиралась не сама. «Они выделили автобус. Грубо говоря, [ездили] под конвоем. Автобус подбирает деток с Украины — отвозил туда и привозил обратно», — говорит Би-би-си мать Вероники Нина Власова.

Школу тоже пришлось поменять — с сентября Вероника пошла в среднюю школу в селе Кузьминские Отвержки.

Сайт школы подробно перечисляет мероприятия 2022-2023 учебного года: каждый понедельник — обязательный торжественный подъем российского флага под российский гимн и еженедельные «Разговоры о важном». По воспоминаниям Вероники, на этих «разговорах» в том числе рассказывали про аннексированный Россией Крым — в частности, проводили мысль, «что люди сами захотели».

По словам девочки, в какой-то момент всем ученикам велели писать письма на фронт российским военным. «От девочек особенно. И там что-то нужно было вроде: я такая-то девочка, желаю вам всего такого, — вспоминает Вероника. — Я подошла к классному руководителю и сказала, что я отношусь ко всему нейтрально и я такое писать не хочу. Она мне ответила: „А что ты вообще тогда в России забыла? Зачем ты приехала сюда, раз ты не принимаешь нашу политику?“».

Из 35 детей в своем классе она была единственной из Украины. По словам Вероники, она пыталась завести друзей, однако это так и не получилось — отчасти потому, что у одноклассников уже были сложившиеся компании, а еще потому что «дети [так] относились, будто им противно со мной общаться, потому что я из Украины. Я пыталась с кем-то подружиться, а на меня смотрят и делают такое лицо, по типу отойди от меня». По словам девочки, одноклассник показал ей, как вскоре после ее прихода в класс в одном из чатов соученики обсуждали ее внешность: «Какая я некрасивая, стремная, все такое, потому что я украинка».

«Бывало так, что ребята с последних парт говорили на меня „бендера“ или что-то в этом роде. Такое впечатление, что там все украинцы — „бендеры“ для россиян. Говорили: вали в Украину, что ты здесь забыла, зачем ты сюда к нам приехала?» — рассказывает девочка. Иногда ее называли «украинским салом».

Тетя Вероники Татьяна Мельник в разговоре с Би-би-си объясняет это неприятие хорошими оценками племянницы: «Вероника хорошо училась, и ее ставили в пример, что она с Украины и тянула все предметы, и из-за этого ей там дети высказывали». Сама Мельник, судя по всему, не пыталась прекратить травлю — главное, что ее племянницу не били и «за углом не зажимали», говорит она.

На школьном пенале у Вероники был брелок с зайкой. Однажды, вспоминает девочка, она увидела в коридоре мальчика, который крутил ее брелок на пальце. «А другой парень у меня спрашивает: „Это из Украины?“ Я говорю: „Нет, это из России“. И он говорит: „Жалко, хотели себе забрать как трофей“. Я наехала на него, он брелок отдал почти сразу», — вспоминает Вероника.

Вероника добавляет, что классная руководительница пыталась объяснить ее одноклассникам, что «я не виновата, что я из Украины и что я уехала», но особого эффекта это не имело.

Еще, по словам Вероники, одноклассники постоянно ее спрашивали о ракетах, о которых она сама ничего не слышала: «Такое впечатление, будто они из Украины, а не я» (вероятно, речь шла об установках HIMARS, которые ВСУ начали интенсивно применять на фронте летом 2022 года — *Би-би-си*).

Как-то раз один из одноклассников, по словам девочки, долго «доколупывался» к ней про «эти ракеты»: «„А ты знаешь, где эти ракеты, знаешь?“ А у меня тогда было плохое настроение, и он до меня очень долго доколупывался, и я и говорю: „Так они в тебя летят“, — вспоминает девочка. — Смешно было, он потом ходил такой испуганный».

«Ты понимаешь, что я сейчас увижу, что все было?»

Единственным другом Вероники в тот период был Кирилл Просенников — 20-летний беженец из Харьковской области, сосед по первому ПВР «Мечта». «Там была компания большая, но потом все разъехались, а мы остались и начали дружить, — вспоминает Вероника. — [В ПВР] для детей устраивали представления, что-то по типу сказок. И вот мы в этих сказках вместе выступали. Он дед, я баба. Когда мама увидела эту фотографию, где он дед, а я бабушка из сказки, она спросила, кто это. И я ей рассказала, она с ним [по телефону] познакомилась. Моя мама знала, кто он, и она ему доверяла».

После того как Вероника с семьей тети переехала в «Полет» и пошла в новую школу, Кирилл Просенников продолжил регулярно приезжать к девочке в гости.

И мама, и тетя Вероники рассказывают, что были в курсе дружеских отношений 13-летней Вероники и 20-летнего на тот момент Кирилла и не видели в них ничего предосудительного.

«Там, где они находились якобы в безопасности, под защитой российских властей, мальчишки приставали к девочкам, а этот Кирилл начал её защищать, — рассказывает Би-би-си Нина Власова. — И они сдружились. Кирилл больше для неё как старший брат. Она мне старалась максимально рассказывать, о чем они общаются. И этому Кириллу она очень сильно понравилась».

«Он не приставал, нет. Привозил сладости, фрукты, игрушку ей привозил. У него была любовь к ней, у нее симпатия небольшая. А так как мы беженцы, дети в школе ее постоянно травили, мы старались держаться друг за дружку, понимаете? — в свою очередь говорит тетя девочки Татьяна Мельник. — Он мальчик, конечно, хороший. Бестолковый, но хороший».

После того как Мельник сначала отказалась возвращаться с Вероникой в Украину, а потом — передать девочку родственнице в нейтральной зоне на границе, Нина Власова решила, что за Вероникой приедет бабушка с нотариальной доверенностью, которую уже в Липецке нужно было перевести на русский и заверить у российского нотариуса. Вместе с Вероникой вернуться в Украину должен был и Кирилл — денег на обратную дорогу Власова дала с расчетом, чтобы хватило и на него.

Оформление загранпаспорта и документов затянулось на несколько месяцев. Бабушка выехала в Россию в самом начале марта 2023 года — хотела вернуться с внучкой в Киев ко дню рождения Вероники, чтобы она встретила его уже с мамой.

Утром в понедельник 6 марта, вспоминает Вероника, тетя неожиданно велела ей и ее двоюродной сестре пропустить школу и остаться в ПВР. В 11 утра в комнату вошли двое мужчин, представившиеся сотрудниками ФСБ, и объявили, что забирают все телефоны по решению суда. «Один записывал пароли от наших телефонов. А другой, такой большой дядя, двухметровый, стоял в дверях и смотрел, чтобы мы никуда не ушли», — рассказывает Вероника.

Бабушка Вероники к этому моменту уже въехала в Россию и как раз добралась до ПВР. «Я была в шоке. Я не знала, что делать, как мне быть», — вспоминает свою первую реакцию на новости о визите ФСБ пожилая женщина. Она решила придерживаться плана и стала заниматься оформлением российской версии доверенности, пообещав приехать к внучке вечером.

Однако вместо бабушки ближе к полуночи в комнату вошли трое полицейских. «Говорят мне, что Кирилл написал заявление о том, что у нас с ним был половой акт и он меня насильничал. С 22 ноября каждый день четыре раза в день», — вспоминает Вероника.

«Мне это заявление потом показали. Он мне рассказывал, что его побили и он писал его дрожащими руками, как попало. А там почерк был каллиграфический, слишком хороший для Кирилла», — говорит она.

«Меня стали допрашивать, было у нас что-нибудь или не было. Я им говорю, что ничего не было. Они мне говорят, что даже есть видео. Я прошу показать мне это видео. Мою просьбу проигнорировали, мне ничего не показали. Они говорят об этом

заявлении, о 22 ноября, а 22 ноября я была у врача. Они даже дату не выбрали нормальную. Виделись мы с ним два-три раза в месяц. И виделись мы с ним при моей тете», — вспоминает Вероника.

«Там ничего не было и не могло быть. Мы в ПВР были, там камеры везде, и когда мальчик приезжал, она постоянно была у меня на глазах», — в свою очередь сказала Би-би-си Татьяна Мельник.

Полицейские, по словам Вероники, начали морально давить на нее: «Где твоя мамка, почему она за тобой не уследила?» Потом в ход пошли угрозы: «Скажи, что всё было, чтобы тебя не мучили, и тогда от тебя отстанут. Потом говорят: сейчас поедем на медэкспертизу, где проявится, что все было». Я говорю: «Да, давайте, я согласна на медэкспертизу, поехали». Я сама настаивала на этой экспертизе, чтобы показать, что ничего не было».

Вероника вспоминает, что той ночью почти не спала. Мыться перед медэкспертизой запретили. «Когда меня привезли, этот эксперт говорит мне: „Ты понимаешь, что я сейчас увижу, что все было?“ — с трудом рассказывает девочка. — Он меня не спрашивал, а сказал, что „сейчас увижу, что было“. Он меня привел в комнату, сказал раздеваться полностью. Это был мужчина. Осматривал меня. Еще была там женщина, она меня тоже осматривала, но недолго, потом она ушла. А мужчина осматривал, я плакала. Мне было очень стыдно. А потом он сказал, что ничего не было. Ничего не подтвердилось на медэкспертизе. Передо мной никто не извинился».

Кирилл Просенникова задержали в тот же день, 6 марта, прямо на глазах у бабушки Вероники — он помогал пожилой женщине ориентироваться в городе. И Вероника, и ее тетя Татьяна Мельник независимо друг от друга рассказали Би-би-си, что из юноши выбили признательные показания под пытками. Два дня до избрания меры пресечения он провел в ПВР — Вероника говорит, что он был весь в синяках, а на фалангах пальцев были «красные следы по кругу». «То есть на пальцы что-то одевали и били током», — предполагает девочка.

«Мешок на голову и током били, он оговорил себя, написал заявление. Потом его передали в СК, в СК он сразу сказал, что он себя оговорил», — сказала Би-би-си Мельник.

Суд поместил Просенникова в СИЗО в Липецке по обвинению по статье 135 УК РФ — «Развратные действия».

У Би-би-си нет доступа к материалам дела. По словам Татьяны Мельник, основанием для такой квалификации — «Развратные действия» — стали сообщения в изъятном у Вероники телефоне: «В телеграм была переписка, и якобы про „интимчик за шоколадку“ какой-то там прикол был». Мельник уточнила, что следователи

действительно показывали ей распечатанные отрывки из переписки. Сама Вероника в разговоре с Би-би-си подтвердила, что «какая-то шутка» на темы, связанные с сексом, могла промелькнуть в их многомесячной переписке с Кириллом, однако не смогла ее процитировать, объяснив, что не помнит.

Адвокат Ольга Гнездилова (не связана с расследованием этого уголовного дела) сказала Би-би-си, что в конкретной единичной фразе состава преступления еще нет, однако оценивать нужно материалы дела в целом — возможно, есть лингвистическая экспертиза совокупно всей переписки, из которой следуют развратные действия. Взрослые люди должны понимать, что переписка о сексе с детьми до 16 лет может повлечь за собой такого рода проблемы, уточнила юристка.

После того как Вероника оказалась потерпевшей по уголовному делу, бабушке объявили, что, пока идет следствие, девочке запрещен выезд из России. Тетя Вероники в разговоре с Би-би-си предполагает, что уголовное дело было открыто именно для того, чтобы не выпустить девочку и вынудить приехать за ней лично мать. Мать Кирилла Просенникова в разговоре с Би-би-си также утверждает, что дело было сфабриковано, чтобы удержать Веронику в России.

Вероника рассказывает, что ее многократно допрашивали. Иногда, вспоминает она, на допрос забирали прямо с уроков. Бывало, часами мариновали в коридоре СК, не позволяя отлучиться поесть.

При этом с самой матерью, Ниной Власовой, по ее словам, за все время следственных действий никто не связывался. «Российские власти знали о том, что у неё есть мама, так как был официальный визит бабушки со всеми документами. Моя дочка постоянно следователю говорила: позвоните моей маме, но за все это время, пока велось следствие, никто на меня не выходил», — рассказала Би-би-си Власова.

Свой четырнадцатый день рождения Вероника встретила на психологической экспертизе. «Я там разговаривала с психологами, психиатрами, проходила тесты. Помню, что это было в психушке. И мой день рожденья я провела там. А потом мы поехали в следственный комитет. Там еще был допрос», — говорит девочка.

«Если я и вернусь в Украину, это будет чудо»

Вскоре после визита полиции и возбуждения уголовного дела по ПВР пошли слухи, «какая я шлюха», вспоминает Вероника. «Я там дружила с одной девочкой, так она меня тоже начала называть проституткой», — говорит она.

По словам девочки, за неделю она от стресса похудела на несколько килограммов. Почти все свободное время она проводила в одиночестве в комнате.

Отношения с тетей тоже испортились. Конфискованные телефоны Веронике так и не вернули, и связываться с мамой она могла только по мобильному телефону двоюродной сестры — ей полиция телефон вернула. «Тетя настаивала, чтобы мы общались только по видеосвязи, а сама сидела рядом и все подслушивала», — вспоминает она.

В один день ссора между Вероникой и ее тетей зашла чересчур далеко. «Мы с ней начали ссориться. Сначала я кричала, чтобы она от меня отстала, что мне уже и так плохо, а тут она еще лезет со своими ссорами, — вспоминает Вероника. — Она мне кричит: закрой свой рот. Я уже говорю, что лучше сбежать, чем с ней жить. А она мне показывает на дверь: беги. Недолго думая, я надеваю кофту, обуваюсь и иду на улицу. Потому что в одной комнате с ней мне было тяжело находиться».

В тот день Вероника прогуляла на улице до вечера, а потом подошла к полицейскому и попросила у него телефон — позвонить маме в Украину. «Маме все рассказываю, полицейский все это слушает. И он сказал, что то, что у меня была истерика и я заплакала, это было глупо, потому что мне где-то нужно ночевать. Это было действительно глупо, но я просто не выдержала. Он сказал, что я сама виновата, а у моей тети это была защитная реакция». Ночью девочка вернулась в ПВР.

Документы о временной опеке Татьяны Мельник над Вероникой закончились весной 2023 года.

«Мне тетя потом рассказала, что дальше оформить опеку надо мной запретила ФСБ. Они хотели, чтобы меня отправили в детдом, [чтобы] моя мама испугалась и приехала в Россию. А там ее хотели задержать», — рассказывает Вероника.

«Мне тогда очень много людей — и тетя, и дядя, и кто-то из полицейских — говорили, что если я и вернусь в Украину, это будет чудо, и случится это не раньше, чем когда мне будет 18 лет», — продолжает Вероника.

Но и она сама дальше оставаться с тетей уже совсем не хотела.

В середине апреля за девочкой приехала служба опеки и увезла ее в реабилитационный центр для несовершеннолетних в городе Елец. Там Веронику поместили в изолятор — по правилам, все, кто прибывает в приют, должны проходить двухнедельный карантин.

«Моего ребенка в понедельник утром, опять не сообщая мне — а по всем законам они обязаны связаться с родителями, — везут в детский реабилитационный центр, — вспоминает в разговоре с Би-би-си Нина Власова. — Мне позвонила дочка <уже из приюта>, взяв у кого-то из девочек телефон. Говорит: „Мама, я думала, что меня везут в лес уже убивать. Я не знала, что меня привезут сюда“. Я говорю: „Хорошо, ты там держись, мы тебя вытащим“».

После этого Власовой позвонили из детского реабилитационного центра: «Первый раз за все это время мне позвонила юрист с вопросом: вы будете забирать ребенка или нет? Я юристу рассказала про визит бабушки, что я не понимаю, почему не отдали ребенка. Скинула доверенности, с которыми ездила моя мама, там уже был официальный перевод, <сделанный> на территории РФ. Юрист очень сильно удивилась, что же стало такой проблемой — забрать ребенка».

«Так получилось, что мне повезло»

После того как бабушка Вероники без внучки вернулась в Харьков, и она, и мать девочки побежали по инстанциям.

«На следующий день уже в полицию писала заявление о том, что ребенка не отдали. Я начала спрашивать по волонтерам — что мне делать? Плачу. Я знаю, что нужна огласка международная. И вот начали обращаться и в „Красный Крест“, и к <уполномоченному по правам человека в Украине Дмитрию> Лубинцу. Секретарша его, дай ей бог здоровья, не знаю, как она принимала у меня это заявление — я рыдала», — вспоминает бабушка в разговоре с Би-би-си.

«Я пошла стучаться во все двери. Не наобум, конечно, я нашла нужных людей, которые согласились мне помочь», — рассказывает Би-би-си Нина Власова, мать Вероники.

Так Нина узнала о существовании «команды аистов» — неформальном объединении сотрудников различных украинских ведомств, которые прицельно занимаются тем, что вытаскивают украинских детей из России.

«Их называют аистами из-за диснеевского мультика», — говорит Нина и едва ли не первый раз за весь разговор улыбается. В эту команду входят люди из Министерства реинтеграции, Красного Креста, аппарата Уполномоченного по правам человека и других ведомств.

«Так получилось, что мне повезло», — говорит Би-би-си Нина Власова.

28 апреля этого года Совет Безопасности ООН провел неформальное заседание — такой формат встреч называется «по формуле Аррии» — по вопросу депортации украинских детей в Россию. Нину Власову пригласили выступить на этом заседании в видеоформате. Сидя в кабинете украинского омбудсмена Дмитрия Лубинца, Нина зачитала историю Вероники. Это, вероятно, и стало поворотным моментом в судьбе девочки.

«Моя дочь Вероника находится в заложниках Российской Федерации. Я не могу увидеться с ней и быть рядом, наверное, в самое сложное время в ее жизни... Мировое сообщество должно остановить издевательство над 14-летней девочкой уже

сегодня. Если этого не может сделать ООН, то кто может?» — еле сдерживая слезы, говорила Власова.

Как ни странно, выступление Нины Власовой растрогивали российские государственные и провластные СМИ — неизменно добавляя к нему комментарий детского омбудсмена РФ Марии Львовой-Беловой о том, что «Россия готова отработать каждый случай разлучения детей из Украины с семьями, если будут выявлены такие ситуации».

Судя по всему, кейс Вероники Власовой как раз и стал «такой ситуацией» в чистом виде.

В марте Международный уголовный суд выдал ордер на арест Марии Львовой-Беловой по обвинению в незаконной депортации украинских детей. Сама чиновница неизменно настаивает, что всегда способствует воссоединению семей.

Как позже написала Львова-Белова в своем телеграм-канале, ситуация Вероники стала известна ей в конце апреля, незадолго до выступления Нины Власовой на Совбезе ООН. «26 апреля сотрудник аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Липецкой области встретился с девочкой. Уже 3 мая наш советник связался с мамой Вероники, и мы начали согласовывать детали возвращения домой» — в частности, сообщила она.

«Я еду за внучкой, об этом договорились на международном уровне!»

Вероника прожила в приюте чуть меньше месяца, до середины мая 2023 года.

«Другим детям запретили давать мне телефон маме звонить, но они мне помогали, прибежали <в изолятор>, как-то проскакивали через дежурных. Там все были как одна большая семья», — вспоминает она и говорит, что это оказалось самое лучшее место из тех, в которых она побывала за год с лишним в России.

«Дети из неблагополучных семей такие и есть. Они не политизированы», — философски замечает в интервью бабушка девочки.

В мае бабушка снова выехала в Россию за внучкой, о которой говорили уже на уровне Совбеза ООН. Украинская вице-премьер Ирина Верещук посодействовала тому, чтобы в Москве Веру Сергеевну сопровождали сотрудники Международного Красного Креста.

Вероника выступления мамы не видела, но внимание международного сообщества к ее делу уловила по изменившемуся отношению воспитателей: «Они быстро переключились. Ко мне отношение сразу стало другим. Директор филиала сначала

говорила, что мне телефон нельзя и все такое, а потом, когда мама выступила на ООН, мне и телефон стало можно давать, и вообще все хорошо».

На въезде в Россию, утверждает бабушка Вероники, ее продержали 10 часов. Допрашивали про прежнюю службу в ВСУ ее дочери, проверяли содержимое телефона.

В какой-то момент Вера Сергеевна не выдержала. «Я им говорю: я в России совершила какое-то преступление? Ко мне есть претензии? Вы на каких основаниях меня тут держите? Я еду за внучкой, об этом договорились на международном уровне! Не хотите отдавать внучку — не надо, я разворачиваюсь и еду домой! Отдайте мне мой паспорт!»

Уже через полчаса ФСБшники завели ее на последний допрос, на котором попутно рассказали ей, что она «хреновая мать, и дети у тебя хреновые — нацисты и фашисты».

«Я говорю: знаете что, хлопцы? Вы меня так освободили, что у меня теперь ни дома, ни семьи нет. А теперь я за внучкой приехала. Они мне и говорят: забирай паспорт и иди!» — эмоционально рассказывает она.

«Мы встретили ее [бабушку Вероники] в Москве, помогли с гостиницей, трансфером в Липецкую область, переводом всех необходимых документов», — позже писала в соцсетях уполномоченная по правам ребенка в России Мария Львова-Белова.

Вместе с бабушкой в Елец приехали журналисты одного из российских государственных телеканалов. «Задавали вопросы, хочу ли я жить с мамой и где, в Украине или России? — вспоминает Вероника. — Но я ответила на эти вопросы очень, как вам сказать, хитро. Я ответила так, что я хочу жить со своей мамой, мне все равно где, но я хочу с ней жить. Никаких вопросов ко мне уже не было, потому что я в этой ситуации ни за кого. Потому что я за Россию — буду плохая. За Украину — тоже плохая. А так я осталась хорошей. Из того, что я им ответила, они вырезать ничего не могли. Я потом искала в интернете — они этого так и не выложили».

На обратном пути Веронику с бабушкой пригласили в Общественную палату на чай к Марии Львова-Беловой. В конце встречи уполномоченная подарила девочке айфон. Оба конфискованных в Липецке украинских телефона Вероники до сих пор остаются в руках российских силовиков.

«Как только въехали в Украину, я почувствовала что-то родное. Увидела заправку „Окко“ (украинская сеть заправок — *Бу-би-си*) — а-а-а, заправка! Я никогда не думала, что буду радоваться таким простым вещам, как АТБ (сеть украинских бюджетных супермаркетов — *Бу-би-си*). „Магнит“, „Пятерочка“ — это все не то, а АТБ я люблю!» — смеется Вероника.

«Она до сих пор не осознала»

Сейчас Вероника живет с мамой в Киеве. Девочка уговорила ее купить собаку породы шпиц, и Нина, похоже, еще не определилась со своим отношением к новому члену семьи.

Нина Власова продолжает общаться с «командой аистов».

Вероника ходит в киевскую школу и активно догоняет отставание в учебе, накопившееся за время, проведенное в России. Первое время в Киеве она вздрагивала от резких звуков — даже от закрывания дверцы холодильника.

Некоторое время назад вместе с мамой она ездила в родное село Пыльная — набраться силы, восстановиться морально, посмотреть на разрушенную россиянами школу, в которой училась Вероника до начала большой войны.

В сентябре 2023-го она вместе с другими украинскими детьми ездила в Гаагу свидетельствовать о пережитом.

«Она до сих пор, наверно, до конца не осознала, через что ей пришлось пройти», — говорит Нина Власова.

На подаренный российскими властями айфон почему-то оказалось невозможно скачать украинские песни, даже выигравшую прошлогоднее Евровидение «Стефанию», пожаловалась Вероника Би-би-си. Поэтому мама с дочерью отнесли его в один из киевских торговых центров и с доплатой поменяли на новый айфон той же модели.

Татьяна Мельник, тетя девочки, рассказала Би-би-си, что выехала вместе с семьей из России вскоре после того, как Веронику забрали в приют. По словам женщины, уезжать они не хотели, но российские спецслужбы стали угрожать ей и мужу уголовным делом о шпионаже, по сути не оставив выбора. На выезде, по словам Мельник, их допрашивали шесть часов.

Кирилл Просенников по состоянию на ноябрь 2023 года — единственный участник истории, кто по-прежнему остается в России, в липецком СИЗО. Его мать считает, что сын по сути находится там в заложниках. Уголовное дело, настаивает она, полностью сфабриковано, при этом адвокат по назначению прямо сказал родным юноши, что делать он ничего не планирует и даже не дал им своего номера телефона. Еще один адвокат, которого удалось найти в Липецке, потребовал сразу 150 тысяч рублей. Таких денег у семьи нет. Сама женщина находится в Украине — добиваться освобождения сына ей приходится удаленно.

Осмысляя произошедшую с ней историю, Вероника Власова говорит так: «Там, в России, я заметила, что каждый сам за себя. Если случилась у кого какая-то беда — значит, человек сам виноват. Это его проблемы».

* Фамилия тети Вероники изменена по ее просьбе

Иллюстрации Анжелины Корбы. В коллажах использованы снимки из Getty Images, телеграм-канала Марии Львовой-Беловой, сайта школы в Кузьминских Отвержках и скриншот с Google Maps.